

Владимир Владимирович Напольских¹
Олеся Дмитриевна Сурикова²

¹ доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51); научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: vovia.nap@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

² кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51); научный сотрудник отдела диалектологии и лингвогеографии, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (121019, Москва, Волхонка, 18/2)
E-mail: surok62@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА *МОРДВА*

Аннотация

Русское название эрзи и мокши *мордва* (с XII в.) является экзоэтнонимом и не имеет источника в мордовских языках. Распространенное мнение об образовании его с помощью русского собирательного суффикса *-ва* не соответствует действительности: такого суффикса, который бы сочетался с именными основами, в древнерусском языке, по всей видимости, не существовало. Грамматический анализ рус. *мордва* позволяет прийти к выводу о том, что форма возникла в рамках парадигмы склонения существительных на **-ū* из первоначально этнотопонима **морды*. Ранние фиксации этого слова — топоним *Мордіа* у Константина Багрянородного (X в.) и этноним *Mordens* (< гот. **mordja-/mordi-*) у Иордана (VI в., информация IV в.) — также подтверждают прототип **mordi-*, который принято возводить к иран. **marta-/mart(i)ā-* ‘человек, смертный’, но конкретные пути заимствования иранского слова остаются неясными. Этнонимическая модель «‘человек, люди’ → автоэтноним» для обществ, стоящих на стадии раннего политогенеза, непродуктивна, и в иранской ономастике **marta-* в чистом виде как этноним никогда не использовалось. Источником рассматриваемых слов является иранский этноним (изначально, возможно, соционим) **mārdi-*: ав. *marəda-*, *Márhoi* / *ʾArdhoi* античных авторов, букв. «убийца» — название кочевых воинственных иранских племен, живших во второй половине I тыс. до н. э. в Южном и Восточном Прикаспии вплоть до низовьев Амударьи и, вероятно, севернее. Перенос его в Поволжье произошел в первые века н. э. с миграцией воинских групп, оставивших на правобережье Волги ниже устья Оки

памятники андреевско-писеральского типа. От этих иранцев этноним (соционим) **mārdi*- был заимствован готами (*Mordens*), от них попал к византийцам (Μορδία), а из греческого языка не позднее первых веков II тыс. н. э. — в древнерусский (**морды* > *мордва*).

Ключевые слова: этнонимия; русский язык; готский язык; финно-угорские языки; иранские языки; этимология; словообразование; этническая история; письменные источники; мордва

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/> Благодарим за консультации *Е. Л. Березович* (Екатеринбург), *Ю. А. Дзицойты* (Цхинвал) и *А. В. Михеева* (Йошкар-Ола).

Для цитирования

Напольских В. В., Сурикова О. Д. Еще раз об этимологии этнонима *мордва* // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 9–40. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.029

Рукопись поступила в редакцию 30.09.2024

Рукопись принята к печати 29.10.2024

Vladimir Vladimirovich NAPOLSKIKH¹

Olesya Dmitrievna SURIKOVA²

¹ DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Fellow, Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia); Leading Research Fellow, School of Contemporary Humanities Studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave., 119606 Moscow, Russia)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

² PhD, Senior Researcher, Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia); Research Fellow, Department of Dialectology and Linguistic Geography, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS (18/2, Volkhonka Str., 121019 Moscow, Russia)

E-mail: surok62@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

REVISITING THE ETYMOLOGY OF THE ETHNONYM *MORDVA*

Abstract

The Russian term for the Erzya and Moksha Peoples, *Mordva*, attested since the 12th century, is an exoethnonym with no roots in the Mordvinic languages. The common theory that it was formed with the Russian collective suffix *-va* is inaccurate, as this suffix, in combination with nominal stems, likely did not exist in Old Russian. A grammatical analysis of the Russian term *Mordva* suggests that

it developed within a noun-declension paradigm ending in *-ū*, originating from the ethnotoponym *mordy*. Early attestations, such as the toponym Μορδία in Constantine Porphyrogenitus's writings (10th century) and the ethnonym *Mordens* (< Goth. **mordja* / **mordi*) in Jordanes (6th century, based on earlier 4th-century accounts), support the existence of a proto-form *mordi*, generally traced to the Iranian **marta-/mart(i)ja*, meaning 'man, mortal'. However, the exact pathways of this borrowing from Iranian remain uncertain. The ethnonymic model of "‘man, people’ → autoethnonym" is not typical for societies in early political formation stages, and in Iranian onomastics, *marta*-alone was never used as an ethnonym. The likely source of these terms is the Iranian ethnonym (possibly originally a socionym) *mārdi-* (Avestan *marəda*, Μάρδοι/Ἀμαρδοί in ancient sources), meaning "killer" — a designation for nomadic, warlike Iranian tribes of the southern and eastern Caspian regions, potentially extending further north, from the second half of the 1st millennium BC. The term reached the Volga region in the early centuries AD, carried by migrating military groups who left Andreevsko-Piseralian-type artefacts on the Volga's right bank below the mouth of the Oka. From these Iranians, the ethnonym (or socionym) *mārdi-* was adopted by the Goths (as *Mordens*), passed to the Byzantines (as Μορδία), and, by the early 2nd millennium AD, entered Old Russian (as *Mordians*, later *Mordva*).

Keywords: ethnonymy; Russian language; Gothic language; Finno-Ugric languages; Iranian languages; etymology; word formation; ethnic history; written sources; Mordvins

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>). We are grateful to Elena L. Berezovich (Ekaterinburg), Yuri A. Dzitstsoity (Tskhinval) and Alexey V. Mikheev (Yoshkar-Ola) for the consultations.

For citation

Napolskikh, V. V., & Surikova, O. D. (2024). Revisiting the Etymology of the Ethnonym *Mordva*. *Voprosy onomastiki*, 21(3), 9–40. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.029

Received on 30 September 2024

Accepted on 29 October 2024

Этноним *мордва*, заимствованный из русского языка в другие славянские (белорус. *мардва*, болг. *мордов*, польск. *mordwini* и др.) и ряд языков Европы (англ. *mordva*, *mordovians*, нем. *Mordwa*, *Mordwinen*, фр. *mordves* и пр.), впервые упоминается на русской почве в Повести временных лет (въ афетові же части сѣдѣть рꙋсь. чюдъ и вси зыцѣ мерѣ мꙋрома всь. мордва. заволочьска чюдъ. пермь. печера. мь югра. литва. зимгола. корсь. сѣтьгола. ливь [ПВЛ ИС]; иже дань даю(т) рꙋси. чюд(ь). весь. мерѣ. мꙋрома. черемись мордва. пѣрмь. печера. мь. литва. зимѣгола корсь. [не]рома. ливь. си сꙋть свои зыкъ имꙋще ѿ колѣна афетова иже живутъ на странахъ полунощныхъ словеньскꙋ же зыкꙋ [Там же] и др.) и считается единственным из старых собирательных наименований этнических союзов, сохранившихся в современном русском литературном языке: «...древнерусский язык XI–XV веков знал следующие собирательные наименования этнических союзов

и близких к ним объединений, основанных на религиозной общности: *башкира, водь, весь, голядь, жмудь, зимегола, ижера, корела, корсь, либь (ливь), латигола, литва, ловоть, меря, морава, мордва, мурома, норова, наручадь, торма, пермь, печера, прусь, самоедь, свея, светьгола, север, сербь, сумь, черемись (черемиса), угра, чуваша, ямь (яма)*, а также *латина, бесермена* и др. В современном русском языке живым осталось только существительное *мордва*» [Еселевич 1976: 85]¹.

Как это нередко бывает с самыми распространенными и употребительными словами литературного языка, надежной и общепринятой этимологии этноним *мордва*, увы, до сих пор не имеет. Ряд этимологических словарей русского языка эту лексему игнорирует (как, кстати, зачастую этнонимы вообще; таковы [Горяев 1896; Преображенский 1910–1914; Черных 1999; Шанский 2007; Шапошников 2010; и др.]). В некоторых источниках (например, [Мокшин 1977: 45; Хайду 1985: 72; Агеева 2000: 219; Шведова 2011: 460; и др.]) справедливо постулируется связь с иран. **marta-* ‘человек, мужчина’², но без объяснения пути проникновения иранизма в русский язык. До абсурда такой подход доводится в словаре В. Э. Орла [Orel 2: 706], где читаем: «*Мордв́а*. <...> Somehow related to Iran **marta-* ‘man’, but all details remain unclear». Предположение о связи с иран. **marta-* странным образом непосредственно не упоминается в словаре М. Фасмера [2: 653–654], где, однако, представлен краткий обзор и критика других версий происхождения: возведение к иран. **mardχwār* ‘людоед’ (В. Томашек), тождество *мордвы* и *бурмасов* < иран. **mərətāsa* ‘людоед’ (Й. Маркварт), связь с коми *mort*, удм. *murt* ‘человек’, а также с этнонимом *марды*, называвшим народ, живший на юг от Каспийского моря (Б. Мункачи), — ни одна из этих этимологий не кажется Фасмеру удовлетворительной, но своего решения он не предлагает.

¹ Если быть точнее, в современном русском языке все-таки сохраняются еще этнонимы *водь* (иногда заменяется более удобным *вожане*) и *ижора* (закономерно из др.-рус. *ижера*).

² Трудно установить, кто первым выдвинул эту гипотезу, но она, безусловно, была известна уже в XIX в. Возможно, впервые этимология рус. *мордва* в связи с иран. **marta-* развернуто предложена В. Томашеком [Tomaschek 1889: 9–14] и вслед за ним — Б. Мункачи [Munkácsi 1901: 78], хотя отстаиваемая ими версия об иран. **mard-χwā(r)* ‘людоед’ как источнике русского этнонима неприемлема (см. ниже). По-видимому, единственная альтернатива иранской этимологии — версия Т. фон Гринбергера, малоизвестная в отечественной историографии, но не забытая в Европе: рус. *мордва* якобы заимствовано из гот. **maurdwja* — нигде не зафиксированного варианта *maurþrja* ‘убийца’, волонтаристски сконструированного исследователем. *Merens Mordens* у Иордана фон Гринбергера объяснял как гот. **merjans maurdwjans* ‘славных разбойников’ (имя *меря* в русском языке он также выводил из готского) [Grienberger 1895: 168–171]. Вся конструкция фон Гринбергера настолько искусственна и неправдоподобна, что даже вспоминающие ее современные исследователи в качестве критики просто приводят список северных народов из «Геттики» в его интерпретации [Christensen 2002: 181, 191].

Отрицать связь этнонима *мордва* с иран. **marta-* едва ли возможно, но, во-первых, эта корневая этимология не учитывает морфологическое оформление русского слова и не объясняет его. Во-вторых, остается проблемой путь проникновения иранского корня в русский язык. А между тем этноним *мордва* следует рассматривать прежде всего именно как слово русского (*resp.* древнерусского) языка, поскольку за пределами русского языка оно неизвестно. Дело в том, что этим словом по-русски называют сразу два близкородственных по языку, но все-таки совершенно разных народа — эрзян и мокшан, которые на своих языках используют для себя два разных этнонима (*e'íza* и *mokša* соответственно) и, насколько мы можем судить по историческим источникам, никогда не имели единого самоназвания — вообще никакого, тем более как-то связанного с рус. *мордва*. В обоих мордовских языках имеется слово *mírd'e* ‘муж, супруг’ (< иран. — см. ниже), но оно не является, никогда не было, да и вряд ли по своей семантике может быть этнонимом, а фонетически никак не может дать рус. *мордва*.

Указанными двумя обстоятельствами определяются задачи данной статьи: мы хотели бы вновь обсудить иранскую этимологию этнонима *мордва*, рассмотреть вопрос о форме русской лексемы и попытаться по возможности восстановить обстоятельства и время ее возникновения.

1. Откуда взялась русская форма *мордва*?

При обсуждении этнонима *мордва* ряд исследователей [см.: Агеева 2000: 219; Демьянов 2001: 368; Ковалев 1991: 67; и др.] транслируют идею о выделении в этом слове русского собирательного суффикса *-ва*, который прикрепляется к иноязычной (< иран.) основе **морд-*; при этом *мордва* помещается в ряд собирательных этнонимов типа *литва*, *морава*, *норова*, *лотва*, *дайнава*, *татарва*³. Этот ряд, однако, мнимый. В словах *норова*, *литва*, *лотва*, *дайнава*, *морава -ва* является частью основы, которая была заимствована в древнерусский язык целиком. Большинство из этих случаев — балтизмы, которые реализуют отгидронимную модель в этнонимии и содержат балто-славянский гидронимный формант *-(V)va. Таковы др.-рус. *литва* < балт. **Leituvá* (= ‘край, где река *Léita*’) [Аникин 2005: 204–205]; др.-рус. *норова* < эст. *Narva* [Фасмер 3: 45]; др.-рус. *лот(ь)ва* (ср. польск. *Łotwa*) < **Latuvà*; др.-рус. *ям(ь)ва* (ятвяги) < **Jātuva*; *дайнава* < **Dainavà* [Отрембский 1963: 3]. В случае с др.-рус. *морава*

³ А также иногда *хинова*, но этот квазиэтноним из «Слова о полку Игореве» требует отдельного разбора, здесь мы его касаться не будем.

источник заимствования — тоже гидроним (ср. с.-х. *Mòrava*, чеш. *Morava*, польск. *Morawa*), но по происхождению, вероятнее всего, не славянский (ср. лат. *Marus*, др.-в.-нем. *Maraha*), а адаптированный по балто-славянской гидронимической модели на *-ва* [Фасмер 2: 652].

Следовательно, суффикс *-ва* со значением собирательности из всех перечисленных наименований народов содержит только *татарва*. Однако этот этноним в ряд летописных обозначений народов попадает нелегитимно — он очень поздний и некоторыми исследователями (например, [Демьянов 2001: 368]) квалифицируется как украинизм: действительно, по данным [НКРЯ], впервые фиксируется в первой половине XIX в. — в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя (1839–1841), затем у Е. П. Гребенки в романе об атамане Запорожской Сечи «Чайковский» (1843), у П. А. Кулиша в романе «Черная рада» (1846–1857), и только с начала 1860-х гг. *татарва* входит в русскоязычный литературный узус (А. К. Толстой, Н. С. Лесков и др.). Старые русские формы мн. и собир. от ед. *татар(ин)* — *татаре, татарове, татаровя* и нек. др. [Еселевич 1976: 88; Демьянов 2001: 368].

Нужно отметить, что отсутствие старых этнонимов с этимологическим суффиксом *-ва* вполне закономерно. Собирательный суффикс *-ва* в существительных с именными основами — явление, по всей видимости, позднее (возможно, поэтому его традиционно игнорируют исследователи исторического словообразования) — и уж точно малопродуктивное. Так, по данным [РГ 1980: § 407], в современном русском литературном языке фиксируется всего несколько слов, образованных в рамках этой модели: *татарва* — с пометами «разг., пренебр.» [ССРЛЯ 15: 138] (см. о ней выше); *братва* — с пометой «прост.» (старая собирательная форма — *братия* [СлРЯ XI–XVII 1: 322]); *пацанва* — с пометой «нов. прост.»; и только одно из них нейтральное — *листва* (старые формы: *листвие, листьа, листье* [Там же 8: 240–241])⁴.

Диалектный материал богаче, но количество отыменных собирательных существительных на *-ва* тоже более чем обозримо: *босотва* ‘босые дети’

⁴Справедливости ради нужно сказать, что, несмотря на непродуктивность собирательного *-ва* в современном русском литературном языке, этот суффикс потенциально легко присоединяется к именным основам. Ср. приводимый Г. Ф. Ковалевым [1991: 70] контекст из Андрея Платонова: «Надобно теперь сюды *людвы* понагнать... Хоть самую дырь на *дырьве*, было б в норме все — головы и руки...». Один из авторов этой статьи слышал в рассказах об армейской жизни в позднем СССР фразу «Понабежала *сержантвá* и ефрейторня́» (здесь и везде далее курсив в контекстах наш. — В. Н., О. С.): так рядовой приветствовал своих товарищей, сержанта и ефрейтора, появление которых, по его мнению, было неуместно. Легко заметить, что эти окказиональные лексемы (думается, ряд подобных контекстов можно без труда увеличить, если обратиться к художественным и публицистическим текстам, а также к материалу повседневной разговорной речи), как и приведенные выше узуальные отыменные существительные на *-ва*, имеют экспрессивную окраску, которую им сообщает словообразовательный способ.

[Литвиненко 1969: 307; цит. по: Ковалев 1991: 70], моск. *глиства* ‘черви для ужения рыбы’ [СРНГ 6: 198], свердл. *горóхва* ‘стебли гороха’, ‘ботва картофеля’ [СРНГ 7: 66], курск., орл., ворон., куйб., калуж., смол., вят., том. *детва́* ‘дети’ [СРНГ 8: 37], пск. *корóства* ‘гнойные струпья на коже’ [СРНГ 14: 366], краснодар. *курва́* ‘куры’ [СРНГ 16: 113–114], ряз. *людва́* ‘множество, толпа людей’ [СРНГ 17: 242], Кирг. ССР *мухотва́* ‘мухи’ [СРНГ 19: 39], ряз. *плодва́* ‘дети-малолетки’ [СРНГ 27: 144], Кирг. ССР *пчелотва́* ‘пчелы’ [СРНГ 33: 181], ср.-урал. *родва́* ‘родня, родственники’ [СРНГ 35: 131] и, возможно, нек. др.

Таким образом, нет никаких оснований считать, что в летописном этнониме *мордва* к заимствованной из иранских языков именной основе **морд-* присоединился русский собирательный суффикс *-ва*: соответствующая словообразовательная модель сформировалась значительно позже и не обрела высокой продуктивности.

При этом в текстах этноним *мордва* несомненно демонстрирует семантические и грамматические свойства *с о б и р а т е л ь н ы х с у щ е с т в и т е л ь н ы х*⁵, что типично для летописных наименований народов и племенных союзов — в частности для неславянских по происхождению слов [Дегтярев 2014: 75–76], а также для этнонимов, называющих неславянские племена и народы, «в основном близких соседей восточных славян» [Ковалев 1991: 75]. Г. А. Хабургаев в своем анализе этнонимии «Повести временных лет» уточняет, что посредством собирательных форм в Начальной летописи почти без исключений обозначаются «финно- и балтоязычные народы с разрушающимися родоплеменными связями, занимающие определенные территории (т. е. не кочевые) по соседству или даже попеременно с восточными славянами в пределах лесной зоны, <...> и в летописный период еще не создавшие самостоятельных государственных объединений. <...> Все остальные этнонимы летописи, в том числе и все восточнославянские (а исключая *мораву* и *сербь*, вообще все славянские), являются формами мн. ч.» [Хабургаев 1979: 168].

⁵Это правило имеет немногочисленные исключения. Так, И. Э. Еселевич [1976: 91] приводит контексты из Актов хозяйства боярина Б. И. Морозова, в которых отражены поздние (XVII в.) колебания в осознании формы *мордва* то как собир., то как мн. ч.: «И *те мордва* изделье делают...»; «...*которые мордва* пашню пашут»; «Да *тяглая же мордва* <...> платят»; «И *оне андосевские мордва* били челом в Нижнем...»; «И будет так, как мне били челом *тароталейская мордва*». Встречается в этом списке и форма с финалью *-ы*: «И ныне *твои боярские мордвы* ему, Сухому, угрожают» [Там же]. А. А. Зализняк указывает на раритетную и более позднюю (1535) форму мн. ч. нашего этнонима — *мордвичи* — в Псковской 1-й летописи: «да и мордвичи резаньские земли, и вся земля московская государева область ходиша в землю литовскую» [Зализняк 2008: 214]. Наконец, этноним *мордва* дает регулярный вторичный сингулятив *мордвин*, закрепившийся в русском литературном языке (ср. *русь* — *русин*, *черемись* — *черемисин*, *литва* — *литвин* и др. [Еселевич 1976: 88]).

Главные словообразовательные типы собирательных имен в древнерусском языке, в том числе летописных этнонимов, — это собирательные на *-ъ* (*весь, голядь, корсь, либь, пермь, самоедь, черемись, чудь* и др.) и на *-а/-'а* (*волхва, зимегола, меря, печера, угра, корела* и др.) [Хабургаев 1979: 167–168; Дегтярев 2014: 75–76; и др.]. При этом особенной «индуцирующей силой», по выражению И. Э. Еселевич [1976: 90], обладает модель собирательных имен женского рода на *-а*: это проявляется и в сохранении форм этнонимов на *-а* при разрушении их словообразовательных вариантов (*латина* вместо *латынь*, *самоеда* вместо *самоедь*, *черемиса* вместо *черемись* [Там же: 91]), и в конструировании новых форм собирательного на *-а* (*чудца* на месте *чудь* [Там же], *пермца* из *пермь* [Корчагин 2014]), и в преобразовании других грамматических форм в рамках парадигмы собирательных на *-а* (например, *бесермена* вместо им. п. мн. ч. *бесермене*, *жидова* вместо им. п. мн. ч. *жидове* [Еселевич 1976: 90], *волохъва* вместо им. п. мн. ч. *волохове* [Ковалев 1991: 73]). Г. Ф. Ковалев идет дальше и приписывает особую силу притяжения «этнонимическому типу на *-ва*» [Там же: 75], где флексия *-ва* этимологически гетерогенна, но вторично осмысливается как грамматический показатель: исследователь конструирует ряд *моравы, литва, лотва, дайнава, норова, ерева, жидова* (квалифицируемая как украинизм [Там же: 74]), *волохва* и, наконец, *мордва*.

Таким образом, очевидно, что «собирательная» флексия *-(в)а* в этнониме *мордва* (равно как и вся грамматическая форма — собир. сущ. жен. р. на *-а*) действительно является результатом народноэтимологического переосмысления (уже состоявшегося к периоду фиксации Начальной летописи), а исторически флексия *-ва* (**-ъva*) в составе лексемы имела иное грамматическое значение.

Здесь нужно вспомнить незаслуженно забытую (по крайней мере, в литературе практически не цитируемую) этимологическую версию М. Жирай, которая была очень кратко высказана им в 1937 г. и представляется нам верной, — о возникновении формы *мордва* в русском языке на базе заимствованного из иранских языков корня **mord-* по модели (в венгерской орфографии) *Moszky : Moszkva, tyky : tykva, szmoky : szmokva* и т. д. [Zsirai 1994: 260].

Жирай, приводя свой короткий список примеров, очевидно, имеет в виду склонение славянских существительных на **-ī* с парадигмой: Nom. *търку, сърку, тыку* (Gen. *търкъве, съркъве, тыкъве*) — Nom. (< Acc.) *търкъвь, съркъвь, тыкъвь* — Nom. по модели основ на **-ā*: *morkva, cerkva, tykva*.

Множество примеров полной или частичной реализации этой парадигмы, называющих свойство по женской линии, элементы растительного и животного мира, ландшафта, детали одежды, утварь, орудия, части тела

человека и др., приведено в [Бернштейн 1974: 222–239], что опровергает распространенные представления о ее ограниченности (в том числе семантической). С. Б. Бернштейн пишет: «Уже древнейшие памятники славянской письменности обнаруживают сравнительно много имен, которые склонялись по моделям основ на -у (-ьв). Среди них много заимствований первого тысячелетия н. э., но имеются и исконные имена, которые в прошлом характеризовались иной тематической гласной. <...> Все это свидетельствует о том, что в поздний период истории праславянского языка и в ранние эпохи истории отдельных славянских языков (IV–XII вв.) именные основы, восходящие к индоевропейским основам на -ī, стали играть в языке активную роль, они стали продуктивными» [Бернштейн 1974: 223]. В качестве наглядной иллюстрации продуктивности обсуждаемой модели на определенном историческом этапе выступает неславянская гидронимия с соответствующими славянскими формантами: «Знакомясь с гидронимами на новой территории своих поселений, славяне преобразовали чуждые им названия по продуктивным словообразовательным моделям. Так возникли многочисленные гидронимы неславянского происхождения, характеризующиеся славянскими грамматическими признаками. Среди них гидронимы на -у занимают большое место: ср. *Mosky* — *Moskъve* — *Moskъвъ*, *Nary* — *Narъve* — *Narъвъ*, *Pelty* — *Peltъve* — *Peltъвъ*, *Smedy* — *Smedъve* — *Smedъвъ*, *Iky* — *Ikъve* — *Ikъвъ* и мн. др.» [Там же: 239] (Жирай добавляет к этому списку еще *Tity* — *Titva*, *Lochy* — *Lochva*, без локализации [Zsirai 1994: 260])⁶.

Предположение, что случай *мордвы* встает в эту словообразовательную модель, выглядит вполне разумным. Полная историческая парадигма форм этнонима в таком случае должна восстанавливаться следующим образом: **морды* (*mordy*) > **мордовъ* (*mordъвъ*) > *мордва*⁷. Отметим, что версию о русской «протоформе» Nom. **mordy* с генитивом **mordъve* высказывал Й. Мелих [Melich 1963: 434–435], который, однако, ошибочно считал непосредственным источником ее гот. *Mordans* — этноним, впервые встречающийся у Иордана

⁶ Ошибочно в этом ряду, по мнению С. Б. Бернштейна [1974: 240], оказываются гидронимы *Дедва*, *Надва*, *Мытва* и др.

⁷ Для демонстрации возможностей функционирования бессуфиксной основы *морд-* в русском языке укажем позднейшие топонимические формы из Ведомости Симбирского наместничества 1780 г. (с территории вторичного расселения мордвы) с ойконимическим формантом *-ова/-ово*: р. *Мордова* и с. *Мордово* в Симбирском уезде Симбирской губернии [СенГУ], д. *Мордова* на р. Мордовская Волошка в Сызранском уезде Симбирской губернии [СамУ]. Современная ойконимия знает села с отэтнонимным именем *Мордово* в Сараевском районе Рязанской области, в Красноармейском районе Саратовской области, в Ставропольском районе Самарской области, в Сенгилеевском районе Ульяновской области, одноименный поселок городского типа в Мордовском районе Тамбовской области, а также с. *Мордово-Аделяково* в Иса克林ском районе Самарской области [Мордово].

в VI в. (Get.: 116) (Мелих строит анахронистичную параллель: «проторусское» **mordy* < гот. *Mordans*, как др.-рус. *вълкъ* < ПИЕ Acc. Pl. **ul̥kons*)⁸.

Форма **морды* не засвидетельствована в письменных источниках и диалектной речи XIX–XX вв., т. е. остается гипотетической, однако это не мешает предполагать ее первичность: ср. аналогичную лакунированность приведенных выше форм в гидронимии (**Москы* и др.). Можно, кроме того, допустить, что первоначально эта форма имела не этнонимическое, а топонимическое значение: мы думаем, что она непосредственно связана не с гот. *Mordens* (как — с искажением — у Мелиха), а со второй зафиксированной в источниках формой — греческим топонимом *Μορδία*, который фигурирует у Константина Багрянородного в X в. (De Adm. imp.: 37, 46) в качестве обозначения страны (см. ниже).

Дело в том, что в летописных источниках лексемы, имеющие формальные признаки этнонимов, довольно часто употреблялись в качестве географических наименований, в том числе это касается переводных онимов: «... составители летописных сводов употребляют типичные для греко-римских источников наименования областей и государств на -ия только при переводе с греческого, в частности при изложении библейской легенды о разделе мира (*Индия, Сурия, Мидия, Аравия, Финикия, Альвания, Армения, Скуфия, Далматия* и др. <...>). Сами же летописцы такими образованиями никогда не пользовались, употребляя в качестве географических соответствующие этнические наименования. В этом отношении весьма показательны, что летописец, употребляя в пересказе греческих источников название страны *Скуфия*, в собственном сообщении использует с тем же значением собирательное имя, являющееся этнонимическим по происхождению: “Да то ся зваху от Грекъ Великая *Скуфь*”» [Хабургаев 1979: 169]. При этом Г. А. Хабургаев указывает, что в качестве географических наименований в летописи используются как собирательные, так и формы мн. ч., приводя примеры: «Бѣ путь из Варягъ въ Греки»; «С(вя)тополкъ же бѣжа в Ляхы»; «Прибѣжа в пустыню. межю Ляхы и Чехы»; «Оумре Болеславъ Великыи в Лясѣхъ»; «Придоша сли из Нѣмецъ»; «Приключися некоему новгородцу прити в Чюдь» и т. п. [Там же: 170]. Таким образом, употребление в русском тексте топонима **Морды* вместо **Мордия* (< *Μορδία*) выглядело бы вполне нормально.

Дальнейший семантический переход «земля, территория → народ, племя, населяющие эту территорию» (т. е. топоним **Морды* < *Μορδία* → этноним

⁸На самом деле оснований для реконструкции гот. *Mordans* нет: у Иордана однозначно *Mordens* < гот. **mordjans* (Acc. Pl.). Впрочем, этимология Мелиха, как и версия Жираи, сегодня фактически забыта.

**морды*) также закономерен (см. об этом хотя бы [Хабургаев 1979: 169 и далее]). Примечательно, кстати, что *мордва* и в более поздних употреблениях может сохранять, наряду с этнонимическим, топонимическое значение: «Князь же Всеволодъ възвратися в Володимерь, а конѣ пусти на Мордву» (XV в.) [ТЛ: 267]; «Тое зимы кнѣзъ Дмитрїи посла брата Бориса и кнѣзѣ Семена в мор^дву⁹» (XVI в.) [ТрЛет: л. 209]; «они съ атаманомъ своимъ, Ивановомъ Безперстымъ, въ числѣ семидесяти человекъ, были въ Мордвѣ» (XVIII в.) [Клеванов 1865: 121]. *Мордва* фигурирует в том числе и как астионим: «Они же <татары> взяша || прочая грады Руськія: Переяславль, и Черниговъ, и Мордву, и Муромъ и Гороховець, градъ Святыя Богородицы соборныя церкви Владимирскія» (1560-е гг.) [ПСРЛ 21: 268]; а в сообщениях иностранных путешественников по России — как хороним: ср. княжество *Мордва* (*förstendom Mordua*) у Петра Петрея де Ерлезунды (XVII в.): «Княжество Мордва тянется далеко на запад, по реке Волге, и платит такую же дань Великому князю, как и Черемиса» [Ерлезунда 1865: 30]; страна *Мордва* (*Mordva*) у Антона Дженкинсона (XVI в.): «...мы подъехали к городу Чебоксары (*Sabonshare*), на правом берегу, в 16 лье от Василь-города. Окрестная страна называется Мордва...» [Середонин 1884: 37]; область *Мордва* у Якоба Рейтенфельса (XVII в.): «А Мордва — тоже обширная область и изобилует разнаго рода мехами и защищается более всего городами Муромом, Саратовом и Царицыном» [Рейтенфельс 1906: 208]. Но в последних примерах, конечно, семантическая деривация обратная по сравнению с исторической (как она нами реконструируется) — отэтнонимная: «народ, племя → территория, которую этот народ населяет».

Остается вопрос, почему единственно известная нам сегодня форма *мордва* совершенно вытеснила первичную форму **морды*. Думается, это результат двух параллельных контактных процессов. Первый процесс — это выстраивание словоизменительной парадигмы заимствованного (переводного) топонима по типу склонения на *-*ŷ* (как в случае с *Москвой* и другими названиями географических объектов) — по модели, сохранявшей (по С. Б. Бернштейну — см. выше) высокую продуктивность до XII в. (т. е. период проникновения нашего этнонима, *resp.* топонима, в русский язык должен вписываться в эти хронологические рамки).

⁹ А. А. Зализняк фиксирует здесь ударение на первом слоге: *в мѳрдву* [Зализняк 2011: 639], как и в еще одном случае употребления этой лексемы (но уже в этнонимическом значении) в Троицком летописце — *на мѳрдву* (л. 150) [Там же]. Не является ли такая акцентуация первичной по отношению к переносу ударения на финальный слог, которое произошло с включением *мордвы* в ряд собирательных этнонимов? И если так, то не может ли быть ударение косвенным доказательством нашей реконструкции последовательности форм (в греч. *Морδία* ударение должно было падать на первый слог, в реконструируемой форме мн. ч. **мѳрды* — тоже; затем *мѳрдва* в топонимическом значении, наконец *мордѳва* — преимущественно в значении этнонимическом)?

Второй процесс протекал в пределах ономастического разряда — наименований народов. Начнем с того, что обозначение **морды* не имело никаких шансов на то, чтобы сохранять исключительно топонимическую семантику: летописная хоронимия и этнонимия фактически синкретичны (т. е. находятся в отношениях обратимых и регулярных переходов), поэтому название территории автоматически «подтягивает» за собой название ее населения. Но лексема **морды*, очевидно, квалифицировалась как форма мн. ч. (с соответствующим грамматическим показателем), что должно было противоречить специфике сигнификата: как уже обсуждалось выше, неславянские этнические общности лесной зоны — ближайшие соседи восточных славян обозначались исключительно с помощью собирательных форм. Как собирательное существительное (наиболее продуктивный и «жизнеспособный» тип в летописной этнонимии) и была переосмыслена уже сформировавшаяся в рамках склонения на *-*и* вторичная форма *мордва*. Она замечательно вписалась в гетерогенный по происхождению, но формально обладающий одной и той же флексией «этнонимический тип на -*ва*» (*морава, литва, норова, волохва* и др.) и — шире — в этнонимический тип на -*а*/*-’а* (*меря, угра, корела, печера* и др.), имеющий, кроме прочего, поэтическое достоинство — способность элементов перечня рифмоваться между собой, а значит, улучшать ритмическую организацию и мнемонику летописного текста.

Нужно еще раз отметить, что к моменту фиксации этнонима *мордва* в Начальной летописи оба контаминационных процесса в его отношении были уже завершены (именно об этом свидетельствует лакунированность первичной формы **морды*), т. е. происходили они самое позднее в первые века второго тысячелетия.

Таким образом, анализ русского этнонима *мордва* позволяет прийти к выводу о его первоначальной форме **морды* и, возможно, топонимическом или смешанном этнотопонимическом значении. Очевидно, этот этноним в своей первоначальной форме должен был быть заимствован в древнерусский язык (о русской, *resp.* славянской, этимологии его речи не идет), и источником заимствования не мог быть ни один из мордовских языков, ни прамордовский, поскольку там нет ничего похожего. Заимствование это должно было произойти не позднее X–XI вв., поскольку ко времени составления Начальной летописи это имя приобрело уже форму *мордва*.

2. Источник др.-рус. *мордва*

Как было сказано выше, основа рассматриваемого этнонима очевидно связана с иран. **marta-*, точнее с иран. **marta-/mart(i)ja-* ‘человек, смертный’

(оба — субстантивированные причастия с изначальным значением ‘смертный’ от основы **mar-* ‘умирать’ [ЭСИр 5: 209, 213–218]). Предположение о бессуффиксной начальной форме этнонима (**морды*) подтверждается данными письменных источников.

Самая ранняя его фиксация — сообщение историка Иордана в середине VI в. (Get.: 116) о северных народах, якобы покоренных готским «королем» Германарихом, правившим готами в Северном Причерноморье перед гуннским нашествием: «<Германарих покорил> *Mordens in Miscaris*» ‘мордов в Мискарах’¹⁰. Слово *Mordens* отражает готскую форму Acc. Pl. **mordjans* от основы **mordja-* (*a*-склонение, м. р., Nom. Sg. **mordeis* или **mordjis*) или **mordins* от основы **mordi-* (*i*-склонение, м. р., Nom. Sg. **mords*). Локализация *мордов* Иордана — между *in Abroncas Merens* ‘мерян в Абронках’ (мера — где-то в районе поворота Волги на юг) и *Rogas stadjans* ‘прибрежников Волги’ (обитатели берегов Волги в ее среднем и нижнем течении), ‘в Мискарах’, которые следует соотносить с исторической *Мещерой*, — позволяет поместить их в междуречье Нижней Оки, Суры и Волги, примерно там, где в XII в. находилась мордва начальной русской летописи, исторически — древняя эрзя. Сведения Иордана отражают ситуацию IV в. (учитывая, что к моменту гуннского нашествия Германариху, согласно Иордану, было более ста лет, сообщение о северных народах может восходить ко второй — третьей четверти IV в.): после гуннского разгрома в 370-х гг. готы уходят на запад, и никаких сведений более позднего времени о народах Восточной Европы Иордан от них получить уже не мог.

Второе появление рассматриваемого онима в источниках — в сочинении Константина Багрянородного, X в. (De Adm. imp.: 37, 46), где среди других территорий, служащих для локализации страны печенегов между Аланией (Кубань, Нижний Дон) и Россией (Поднепровье), названа *Μορδία*, отстоящая от Пачинакии на десять дней пути — вероятно, к северу от Нижнего Дона, т. е. примерно там, где локализуются *Mordens in Miscaris* Иордана. Важно, что *Μορδία* Константина — хорошо известная византийцам страна, используемая как репер наряду с Аланией, Болгарией, Россией и т. п.

Оба слова — *Mordens* Иордана (**mordja-*/**mordi-*) и *Μορδία* Константина — относятся, таким образом, примерно к одной территории и отражают одну праформу **mord(i)-*, которая точно соответствует др.-рус. **морды* и может быть сопоставлена с иран. **marta-*/**martija-*. Далее следует попытаться ответить на три взаимосвязанных вопроса. Первый: как соотносятся

¹⁰Здесь кратко излагаются аргументы, более подробно рассмотренные в статье [Напольских 2018a].

готское, греческое и русское слово между собой и с предполагаемым иранским этимологом, каков был путь проникновения иранизма в эти три языка? Второй: как объяснить развитие иран. **marta-* в форму **mord(i)-*, стоит ли за этим простая фонетическая адаптация в рассматриваемых языках (одном из них) или это указывает на особенность иранского этимона? Третий: какое конкретно иранское слово, из какого языка и в какое время могло послужить этим этимологом и какой денотат мог стоять изначально за этим этимологом?

Гот. **mordja-/mordi-* датируется IV в., греч. Μορδία — X в., др.-рус. *мордва* фиксируется в XII в., хотя должно было попасть в древнерусский язык в виде **морды* раньше. Хронологически можно предложить цепочку заимствований: иранский → готский → греческий → древнерусский. С исторической точки зрения ни один из переходов этой цепочки невероятным не выглядит. Попробуем рассмотреть альтернативы.

Могло ли иранское слово напрямую попасть в древнерусский язык? Как показано выше, древнерусское слово должно восходить к форме типа **морды*, а *-ва* является результатом позднего собственно русского развития, поэтому предлагавшиеся ранее и время от времени вновь всплывающие в литературе гипотезы, авторы которых пытались объяснить рус. *мордва* целиком как заимствование из иранского, несостоятельны. Таковой является гипотеза В. Томашека, выведившего *мордва* из иран. **mard-χwā(r)* ‘людоед’ в связи с обитавшими в Скифии *андрофагами* Геродота и греческой глоссой др.-перс. *μάρτιχώρας · ἀνδροφάγος*, при этом Томашек для доказательства былого обитания мордвы поближе к геродотовой Скифии на западе, в Поднепровье предлагал, например, этимологию для названия *Киева* от морд. *kev* ‘камень’ [Tomaschek 1889: 9–10, 13–14].

Ничуть не лучше выглядит и довольно невнятное предположение Р. А. Агеевой о том, что иранский этноним *мордва*, может быть, «попал уже в “готовом” виде на русскую почву», потому что «в древнеиранском языке был аналогичный суффикс *-θwa*» [Агеева 2000: 219]. Здесь Агеева (без указания источника), видимо, слегка перефразирует столь же невнятные рассуждения Г. Ф. Ковалева («древнерусский ли в данном этнониме формант *-ва* или этноним вошел в систему древнерусской этнонимии, так сказать, в “готовом” виде?» [Ковалев 1991: 73]), который, в свою очередь, ссылается на статью Ф. И. Гордеева, где последний, помимо этимологий всех древних и современных тюркских (и не только тюркских) этнонимов, объяснил попутно и рус. *мордва*: «< иран. *mort* ‘человек’ + суфф. мн. ч. *-ва* < **-тва*» [Гордеев 1968: 27]. Такое же происхождение у Гордеева имеют мар. *мари* ‘мариец, мужчина’, удм. *udmurt* ‘удмурт’ < *murt* ~ коми *mort* ‘человек’: «все эти этнонимы восходят к древнеиранскому слову *martiya* ‘человек, мужчина’, осложненному

суффиксом множественного числа *-dva*» [Там же]. Ковалев несколько поправляет Гордеева: «вполне возможно, что этноним *мордва* сформировался еще на иранской почве, а в древнерусский язык попал уже с “готовым” суффиксом *-va* (*-θwa*)», поскольку иранисты «отмечают» древнеиранский собирательный суффикс *-θwa* (затем следует ссылка на Р. Готьо) [Ковалев 1991: 73]. Готьо действительно рассматривал древнеиранский (т. е. хронологически существовавший никак не позднее конца I тыс. до н. э.) собирательный суффикс *-θwa*, который уже в среднеиранскую эпоху (примерно с начала н. э.) в западноиранских языках дает **(-t)hā* (перс. *-hā*), а в восточноиранских языках (точнее, в «langes du Nord» у Готьо — только из них и не ранее второй половины I тыс. н. э. мог быть заимствован в древнерусский наш этноним в «готовом» виде) — *-ta* в осетинском, *-(y)t* в согдийском и *-t* в ягнобском (компонент *-w-* нигде не сохранялся) [Gauthiot 1918: 74–75]. Как видим, для понимания анахроничности и неприемлемости данной этимологии не требуется даже доказательства праформы **морды* для *мордва*, но метод безответственного цитирования позволяет и таким версиям сохраняться длительное время.

Поскольку речь идет о территории правобережья нижнего течения Оки, прямое заимствование иранизма в древнерусский для обозначения этой территории и ее населения не может быть древнее времени появления по соседству с этими землями славян, т. е. в самом общем виде — не ранее VIII в., когда предки северян и вятичей теоретически могли заимствовать иранское название на крайнем северо-востоке своего продвижения от носителей салтовомаяцкой культуры на Среднем Дону [Седов 1982: 137–151]. В этом случае иранским языком-источником др.-рус. **морды* мог быть язык донских аланов, близкий, вероятно, к древнеосетинскому. Переход **a* языка-источника > др.-рус. *o* естественен, появление *d* < иран. **t* в **marta-* также имело место в скифо-сарматских диалектах, предковых для осетинского [Абаев 1979: 328]. Проблема в том, что иранский корень **marta-* в значении ‘смертный, человек’ ни в скифо-сарматской ономастике, ни в осетинском языке не представлен, имеется только скиф.-сарм. **mār* ‘убивать’, осет. *mælyn* (основа наст. вр. **marja-* с переходом **-rj- > -l-*) ‘умирать’ и *maryn* (основа наст. вр. < **māraja-*) ‘убивать’, откуда осет. *mard* ‘убитый, умерший, мертвец; смерть’ [ИЭСОЯ 2: 71, 75, 89–90; ЭСИр 5: 207; Абаев 1979: 295].

Модель именования чужих уничижительными именами хорошо известна, но примеров использования в качестве экзоэтнонима слова со значением ‘мертвец’ мы не знаем; тем более трудно предполагать такое для самоназвания. Ниже будет показано, что дериваты иран. **marta-* ‘человек’ все-таки существовали в иранских языках, соседствовавших с финно-угорскими в Восточной Европе, но, во-первых, для мордовского ареала там реконструируется иной

вокализм (в связи с морд. *mir'de*), а во-вторых, возникает вопрос, могло ли слово с таким значением послужить основой для этнонима. Таким образом, возможность прямого заимствования др.-рус. *морды из иранского (сарматского, аланского) источника следует оценить как весьма маловероятную.

По-видимому, еще менее вероятна версия о готском происхождении и рус. *морды: к моменту знакомства восточных славян с землями в правобережье Средней и Нижней Оки готы и готский язык если и сохранились, то разве что в Крыму. Полагаем, что тема протославянского присутствия в Поволжье в готское время (в связи с именьковской культурой и т. п.) здесь вряд ли может быть принята во внимание, и спекуляции о возможности сохранения готского этнонима через именьковское посредство в древнерусском языке не имеют смысла. О надуманной этимологии рус. мордва из готского у Т. фон Гринбергера см. выше.

В силу всего сказанного наиболее вероятной представляется частично уже рассмотренная в первой части статьи гипотеза о заимствовании др.-рус. *морды (> мордва) из греч. Μορδία (с основой Морδ-).

Самым слабым звеном в предложенной цепочке заимствований является происхождение греч. Морδ- и з г о т с к о г о. Теоретически ничто не мешает видеть в готском и греческом словах параллельные и независимые иранские заимствования. Однако здесь имеются косвенные и скорее экстралингвистические соображения, указывающие на готское посредство. Дело в том, что этноним (или хороним) на *mord- в Поволжье никогда не упоминается в восточных источниках: ничего похожего нет ни в письме хазарского кагана Йосифа (X в.), ни в арабских источниках X–XII вв. (притом что по крайней мере ибн Фадлан и аль-Гарнати лично посещали Волжскую Булгарию и писали о населяющих ее и соседствующих с ней народах). Важно при этом, что в письме кагана Йосифа, возможно, фигурирует самоназвание эрзян (*arisu* אריסו) [Коковцов 1932: 31, 98–100], а в середине XIII в. Рашид ад-Дин в своей истории монгольских завоеваний называет и эрзю (*arĵan*), и, по всей вероятности, мокшу (арабский текст в публикации отсутствует, но в примечании даны варианты *bukši*, *yukši*, т. е., видимо, *بوکشې* и *يوکشې*, и разночтения объясняются смешением букв *ба* и *йа* в начальной позиции, отличающихся лишь числом точек) [Рашид ад-Дин 1960: 38], но не упоминает мордвы (о названных здесь же *буртасах* см. ниже).

Собственно, мордва появляется впервые за пределами русских источников только у венгерского брата Юлиана (*regnum Morduanorum*, 1230-е гг.) [Аннинский 1940: 82, 100], затем у Платона Карпини (*regnum Morduanorum*, 1240-е гг.) (Pl. Carp. III:vi; VII:ii) и Рубрука («*Merdas*, которых латиняне называют *Merduinis*» — наряду с мокшей, *Moxel*; 1250-е гг.) (Rubr.: XVI), т. е. в западноевропейских источниках, сведения в которых в значительной

степени почерпнуты от русских или через русское посредство¹¹, откуда, очевидно, и получен этими авторами этноним *мордва* в русском оформлении (форма на *-ва*)¹².

Эта ситуация сохраняется и в Новое время: этноним *мордва* — там, где он есть, — везде происходит из русского языка (см. выше), а соседствующие с эрзянами и мокшанами тюркские народы это имя узнали поздно, и только в русской огласовке (чув. *mordva* [Ашмарин 8: 275]), а традиционно использовали для обозначения мордвы заимствованные самоназвания: тат. *muḡṣi*, *muḡṣi* < *mokša*, чув. *mākšā*, *mākāš* < *mokša*, *irže* < *erža* [Там же 1: 320; 3: 138; 8: 302], — т. е. здесь продолжается тюркская этнонимическая традиция, отраженная в средневековых восточных источниках.

По-видимому, эти обстоятельства свидетельствуют о том, что к концу VIII в. (время господства Хазарского каганата и прихода болгар на Среднюю Волгу) никакого этнического образования с именем, образованным от **mord-*, в Среднем Поволжье уже не было¹³, источник этого этнонима должен был существовать раньше. Думается, до VIII в. (до начала активной торговли по речным путям Восточной Европы, развернувшейся со сложением Волжской Булгарии и Руси) интерес византийцев к данному региону и степень информированности о нем находились в целом на невысоком уровне, более

¹¹ Участие русского переводчика, например, в информации Плано Карпини однозначно маркируется упоминаемым сразу после *мордвы* этнонимом *Satogedi* (< рус. *самоеды*) и — можно осторожно предположить — *Parossitae* (< ? рус. **паром сыты*: у *паросситов* маленький рот, и они питаются, вдыхая пар от кушаний; вряд ли в сообщении о дальнем Северо-Востоке можно ожидать, например, греч. *παράσιτοι*, против этого свидетельствует и *-ss-*; толкование в свое время предложено в личной беседе А. Н. Анфертьевым †).

¹² В этом плане особый интерес представляет сообщение Рубрука: его *Merdas* (Акк. Pl. от основы **merda-*) отражает «чистую» основу, без *-ва*, и вместе с *Merduinis* может указывать на существование в древнерусском двух параллельных форм: *мордва* (даже *мордвинь*) и **морды*, которую мы реконструируем как первичную в начале статьи.

¹³ Остается вероятность того, что основа **mord-* присутствует в этнониме *burtas* (с естественной тюркской заменой **m- > b-*; компонент *-as* можно объяснять, например, как проявление старого имени алан, отразившегося в названиях осетин: груз. *os-* и др.-рус. *яс-*), который в восточных источниках упоминается как минимум с конца IX в.: *b-rdās* برداس (ибн Руста), *b-rīās* برطاس (аль-Масуди), *bur-t-s* בורטס (каган Иосиф) и др.; форма *f-rdās* فرداس у аль-Бакри вопреки И. Г. Добродомову — не самая ранняя, относится не к X в., а все-таки ко второй половине XI в., в силу чего его этимология от алан. **furd-as* ‘асы большой реки’ выглядит слабее [Заходер 1962: 230 *pass.*; Коковцов 1932: 98; Добродомов 1990: 66–68]. Позднее этот этноним появляется у Рашид ад-Дина (см. выше) рядом с эрзей и мокшей. В русских источниках он упоминается относительно поздно, с начала XIII в. («Слово о погибели Русской земли»). Проблема происхождения имени *буртасы* и возможной связи его с **mord-* требует специального рассмотрения (следует, однако, отметить, что этот этноним, видимо, обозначал какую-то этническую группу, отличную от мокши и эрзи). Для нашей темы важно, что форма *burtas* во всяком случае содержит уже не чистую основу **mord-* и вряд ли могла быть источником для греч. *Μορδ-* в *Μορδία* и для гот. **mordja-/mordi-* в *Mordens*.

или менее точные сведения о лежащей далеко на севере стране (вспомним, что *Mordía* у Константина — репер в географическом описании) они могли получить только через каких-то посредников. Поскольку *Mordens* Иордана однозначно фиксирует готское слово, на роль таких посредников могут претендовать именно готы¹⁴. Таким образом, конкретный иранский источник основы **mord-* в нашем этнониме следует искать, учитывая обстоятельства возможного готско-иранского (сарматского?) контакта в Среднем Поволжье не позднее IV в.

Однако основная проблема носит более общий характер. Дело в том, что производные иран. **marta-/*martija-* ‘смертный, человек’, кажется, нигде и никогда в иранском мире не использовались в качестве этнонима в чистом виде: нет ни одного иранского народа, который называл бы себя просто **marta-* ‘человек, люди’. Эта иранская основа заимствовалась в финно-угорские языки: коми *mort* ~ удм. *murt* ‘человек, мужчина; чужой’, эрз., мокш. *mir'de* ‘муж, супруг’, причем традиционно в финно-угроведении считалось, что это очень старое заимствование — ф.-перм. **mertä* из раннего ПИИ **mytá-* или *mérta-* [Rédei 1986: 53]. На самом деле, как правильно показал еще В. И. Лыткин, нет никакой необходимости возводить ППерм. **mort* [Лыткин 1975: 90] к корню с передним вокализмом и связывать его с морд. *mir'de*, перед нами — довольно поздние (среднеиранские) сепаратные заимствования. Пермское слово заимствовано из (восточно)иранского языка, в котором иран. **marta-* и **martija-* ‘смертный’ → ‘человек, мужчина’ (субстантивированные причастия от *mar-* ‘умирать’) сохраняли корневое *a (> o)* (и, добавим, изначальное, совпадающее с пермским значение): согд. **marti*, ягноб. *morti*, хорезм. *marci* ‘мужчина, муж’, бактр. *мардо* ‘человек, слуга’ [ЭСИр 5: 209–216]. В мордовские же заимствованы формы с *e* или *i* (умлаут по *-ij-*) (и часто с развитием значения в ‘муж, супруг’, как в мордовских) типа гилан. *mərd*, талыш. *merd* ‘мужчина, человек; муж’, персидские диалекты Семнана *mirde* ‘мужчина’, парф. *mird* ‘мужчина, человек’ и др. [Там же]. Такое решение показывает, что дериваты иран. **marta-* ‘человек’ присутствовали в восточноевропейских иранских языках (см. о проблеме выше), но показательно, что вариант с вокализмом, который мог отразиться как **mord-*, фиксируется на востоке, в пермских языках, а на западе, где мы находим нашу *мордву*, имеем форму с умлаутом, которая, как и происходящее от нее морд. *mir'de*, интересующей нас лексемы дать не могла.

¹⁴Возможно, здесь имеет значение и то обстоятельство, что свою «Гетику» Иордан написал, по всей вероятности, в Константинополе, она уже в VI в. могла быть известна при дворе византийского императора [см.: Напольских 2023].

Вернемся к проблеме отсутствия примеров на использование чистой основы **marta-* ‘человек’ в иранской этнонимии. Обычно этим вопросом не задаются, поскольку принято считать, что этнонимическая модель с а м о н а з в а н и й типа ‘человек, люди’ широко распространена. Однако, как это часто бывает с такого рода типологическими обобщениями, на самом деле это не совсем верно: самоназвания с семантикой ‘человек, люди’ характерны для живущих в относительной изоляции этнических общностей с архаичной родовой организацией, а не для сложных обществ, где уже достаточно активно идут процессы политогенеза (именно таковыми были и степные иранцы, и древняя мордва в I тыс. н. э.). Показательны пермские этнонимы с иранским заимствованием **mort* (*komi mort* < *kom-* в коми *Kom-mu* ‘Прикамье, район Чердыни’, удм. *kam* ‘Кама, большая река’, *udmurt* < иран. **anta-marta-* ‘человек окраины’ [Напольских 2018б: 85, 95–96]), в которых оно используется не само по себе, а исключительно с дополнительными определениями; причем *udmurt* может представлять собой цельный иранизм, и это косвенно указывает на то, что не только для самоназваний, но и для экзоэтнонимов модель ‘человек, люди’ не была свойственна иранской традиции (см. краткий разбор этих и других примеров в [Напольских 2024: 14–15])¹⁵.

Тем не менее этноним с основой **mard-* в иранском мире имеется — с той разницей, что семантика его, по-видимому, несколько иная, и проникновение его в Поволжье и дальнейшее перенесение на эрзян и мокшан не следует трактовать так просто, как это делалось (с другой стороны, все эти процессы можно конкретизировать)¹⁶. Речь идет о воинственных племенах *мардов / амардов* (Μάρδοι / Ἀμαρδοι у Страбона, Помпония Мелы, Птолемея), которые, вероятно, впервые упоминаются уже в Авесте как одно из бедствий, насланных Ангро-Майнью на страну Моуру (Маргиану) (Видевдат I:5): *marədā-* (форма жен. р. с долгим *ā* здесь, по-видимому, окказиональна). Важна также форма

¹⁵ Единственный возможный пример из иранской ономастики, который может рассматриваться как противоречащий этому нашему тезису, — название среднеазиатского народа *дахов*, **dāha-* (ср. хот.-сак. *daha-* ‘муж, мужчина’, согд. *dx* ‘мужчина, человек’, вахан. *day* ‘муж; мужчина, человек’ [ЭСИр 2: 285–288]), благодаря чему Э. Бенвенист считал, что «этот народ, как и многие другие, называл себя просто ‘люди’» (это поспешное утверждение сопровождается весьма туманными этимологическими аргументами) [Бенвенист 1995: 211]. Однако здесь все обстоит, по-видимому, как раз наоборот: этноним **dāha-* и слово **dāhī-* ‘народ, люди’ → ‘человек, мужчина’ являются производными от ар. **dasa-*, означавшего ‘страна, провинция’, откуда, например, иран. **dahju-* ‘страна как место обитания людей’, а еще далее — перс. и др. *deh* ‘селение, деревня’, откуда *дехканин* ‘крестьянин в Средней Азии’ и т. д. [Эдельман 2009: 42–43, 128; ЭСИр 2: 285–288]; т. е. ‘человек, люди’ первичным значением для данного этнонима никак не является, а название *дахов* можно объяснять скорее как ‘жители (отдаленной) провинции, сельской местности’. Во всяком случае, все обстоит здесь сложнее, чем полагал Бенвенист.

¹⁶ Здесь и далее дополнительно аргументируется и развивается гипотеза, предложенная в [Напольских 2018а: 12–20].

из пехлевийского перевода Авесты: *āmāl-* < **āmard-* [Bartholomae 1904: 1151]. Это показывает, что в первые века н. э. в Иране знали про *мардов* и *амардов* и воспринимали эти два слова как варианты одного этнонима (см. выше). Видевдат считается относительно поздним текстом, но в любом случае он восходит ко времени до образования первых иранских государств, Мидии и Персии, т. е. до VIII в. до н. э. И. М. Дьяконов считал *мардов* Видевдата восточноиранским племенем [Дьяконов 1956: 382]. Затем у Геродота в рассказе о мятеже Кира против Астиага (события середины VI в. до н. э.) среди «персидских племен» фигурируют *даи* (они же *даху*, см. выше), *марды* и *дропики* — кочевники, в отличие от остальных, живущих земледелием (Her. I:125). Активное участие мардов в этих событиях подтверждается и фрагментами Ктесия Книдского, который даже приписывал Киру Великому происхождение от вождя мардов Атрадата [Там же: 417–418].

Еще В. Гайгер [Geiger 1882: 203–204] идентифицировал *marəda-* Видевдата с *Μάρδοι* / *Ἄμαρδοι* античных авторов (указав, в частности, что Страбон считает *Μάρδοι* и *Ἄμαρδοι* одним и тем же народом — как и пехлевийские переводчики Авесты, см. выше) и предложил надежную этимологию *marəda-* от иран. ‘убийца’ < **mār-* ‘убивать’¹⁷ (основа каузатива от **mar-* ‘умирать’ [ЭСИр 5: 205–206] — см. осетинские соответствия выше). Он же в целом обозначил ареал, где источники отмечают присутствие мардов / амардов: от Гиркании и гор Эльбруса до пустынных районов Маргианы, Бактрии и Согдианы [Geiger 1882: 203–204], причем к востоку от Каспийского моря, в бассейне р. Мургаб, как считал Гайгер, марды вместе с даями / дахами еще в первой половине III в. до н. э. совершали набеги на Маргиану, и против них Антиох Сотер вынужден был строить оборонительные стены [Ibid.: 65–66]. Этот же ареал обитания мардов — в пустынных и горных районах от бассейна р. Сефид-Руд / Кызыл-Узен на северо-западе Ирана вплоть до сарыкамышского устья Амударьи на северо-востоке — очерчивают и современные авторы [Грантовский 2007: 86, 425–429; Литвинский, Пьянков 2004: 780], предполагая, что везде так назывались ираноязычные (вероятно, восточноиранские по языку) племена, отличающиеся от оседлых иранцев скотоводческим (полу)кочевым образом жизни с характерной для него воинственностью. Предложенная Гайгером этимология имени *мардов* — ‘убийцы’ (с развитием в ‘разбойники’ и т. п.¹⁸) — в этом контексте также не вызывает возражений.

¹⁷Теоретически можно предложить связь с ср.-перс. *mardānag* ‘мужественный, смелый’, согд. *mri’nyu* ‘мужество, смелость’, афг. *maranay* ‘отважный, герой’ [ЭСИр 5: 215–216], но эти формы осложнены дополнительной суффиксацией, которая никак не отражена в имени *мардов*.

¹⁸Показательно название одного из мардских племен — *саранары* < иран. ‘головорезы’ [Литвинский, Пьянков 2004: 780].

Некоторую проблему представляет собой дублет *Márđoi* / *ʾAmarđoi*: префикс *a-* этимология Гайгера, на первый взгляд, не объясняет. Как сказано выше, и античные авторы, и иранцы рассматривали эти два слова как обозначение одной и той же группы. Э. А. Грантовский отмечал, что *амарды* — более редкая форма, встречающаяся, наряду с *мардами*, только в Северной Мидии и (Южном) Прикаспии, приводил еще несколько подобных иранских дублетов (вплоть до редкого ассир. *amadāi* при обычном *madāi* ‘мидяне’) и делал вывод, что формы без *a-* первичны, но при этом префикса тоже не объяснял и считал его «неясным» («во всяком случае не отрицательная частица») [Грантовский 2007: 86]. По-видимому, объяснение этому префиксу можно дать, исходя именно из этимологии Гайгера: *marəda-* — отглагольное образование от **mār-* ‘убивать’, но формы с *a-*, очевидно, отражают иранский преверб **ā-*, семантика которого восходит к наречным значениям ‘сюда, к тому же, вовне, совсем, воистину’ и который был весьма продуктивен в восточноиранских языках [ЭСИр 1: 299–301]. Семантика этого преверба в приводимых [Там же] примерах из разных языков характеризуется как «различного рода иные отношения (в глагольных и именных образованиях), точные значения которых не всегда поддаются определению», но в осетинском языке он имеет достаточно определенную функцию перфектива, примерно соответствующую совершенному виду в русском языке, блестяще иллюстрируемую именно в интересующем глаголе: *maryn* ‘убивать’ ~ *amaryn* ‘убить’ [РОсС: 96–97]. Слово ‘убийца’ в осетинском образуется с другой суффиксацией, чем *marəda-*: осет. *maræg* ‘убийца’ (~ скиф. **marak* в имени *Osmarakos* < **os-marak* ‘женоубийца’) при *mard* ‘убитый, мертвец’ [ИЭСОЯ 2: 70; Абаев 1979: 295], но от *amaryn* образовано, например, *amættag* ‘жертва (убийства), добыча’ < **āmard-ag* [ИЭСОЯ 1: 51]. Таким образом, наряду с *marəda-* ‘убийца’ < **mār-* ‘убивать’, отраженным в *Márđoi*, можно предполагать и *āmarəda-* ‘убийца’ < **āmār-* ‘убить’, отраженное в *ʾAmarđoi*. Тем самым этимология Гайгера получает дополнительную поддержку, и этот дублет может косвенно указывать на принадлежность языка мардов к (северо-)восточноиранским.

Античные и иранские источники фиксируют мардов «взглядом с юга», поэтому информации о том, как далеко на север мог быть известен этот этноним, они дают немного (по крайней мере до низовий Амударьи эти сведения простираются). Поэтому большое значение имеет дополнительное ономастическое свидетельство при «взгляде с севера». В фольклоре обско-угорских народов хорошо известно название мифической южной страны с теплым морем, куда на зиму улетают перелетные птицы, букв. «земля *морпи*» (манс. (Сосьва) *mōrtim-mā*, (Пелым) *mārt-mā* ~ хант. (Тромъеган) *mārti-məy*, (Демьянка) *mārtə-məy*, (Казым) *mārtə-mūw*), а южные страны в целом

называются «область / мир *морти*»: манс. (Сосьва) *mōrtim-sām / mōrtim-tōrām* [WogW: 315; DEWOS: 966]. Интересно, что, несмотря на очевидное сходство об.-уг. **mārtz(j)* (реконструкцию см. в [Honti 1982: 166]) с иран. **marta*, это название не обсуждается ни в одном из компендиумов арийских заимствований в уральских или обско-угорских языках: вероятно, семантика **marta* ‘человек, мужчина’ при отсутствии следов использования этого слова в иранской этнонимии не позволяла делать такие сравнения. Приведенная выше информация о распространении этнонима *марды* по крайней мере до низовьев Амударьи позволяет предположить, что в об.-уг. **mārtz(j)* отражается именно это название, которое первоначально обозначало народ на юге от древнего угорского ареала, знакомый предкам обских угров.

В период активности мардов в Закаспии (см. выше) в последние века до н. э. — первые века н. э. на юге Западной Сибири существовала саргатская археологическая общность, в носителях которой можно видеть восточноиранское население с широкими связями в среднеазиатском регионе, находившееся в тесном контакте или симбиозе с жившими преимущественно севернее уграми [Корякова 1988; Матвеева 1993; 2018, с литературой]. Вероятно, именно в ходе контактов лесостепного и южнотаежного угорского и степного восточноиранского населения в саргатскую эпоху название мардов было заимствовано предками обских угров. Это, во-первых, документирует распространение данного этнонима на север, до юга Западной Сибири, во-вторых, позволяет уточнить его облик: на основании об.-уг. **mārtz(j)* следует реконструировать скорее иранскую форму с долгим корневым гласным, близкую к **mārdi-*, которая очень близка к гипотетическому источнику гот. **mordja-/mordi-* и греч. **Μορδ-*.

Поскольку у нас нет аргументов в пользу присутствия этнонима **mārdi* в сармато-аланских языках Восточной Европы, остается предполагать миграцию иранской группы восточного происхождения из Средней Азии, из Закаспия, или, может быть, с территории современного Северного Казахстана, которая могла принести название **mārdi* в Поволжье. Такая миграция могла иметь место в первые века нашей эры, когда в низовьях р. Сура и на прилегающих берегах Волги (т. е. именно там, где в IV в. готы застали *Mordens in Miscaris*) возникают археологические памятники (прежде всего курганные захоронения) андреевско-писеральского типа [Гришаков, Зубов 2009; Зубов 2011; Чижевский 2021: 393–409]. Эти курганы были оставлены замкнутыми группами конных воинов, похожих на сарматов по образу жизни, но по облику материальной культуры все же от них отличающихся. В андреевско-писеральских материалах отмечают культурные параллели с восточными регионами, в частности с Прикамьем и с югом Западной Сибири

(в том числе и с саргатской культурой) [Халиков 1987; Гришаков, Зубов 2009: 86–87; Зубов 2011: 109–112; Чижевский 2021: 408–409]. Говоря о гипотезе о саргатских связях андреевско-писеральских памятников, нужно иметь в виду и критику этой гипотезы [Бугров, Мясников 2018]. Возможно, речь следует вести не о сугубо саргатском импульсе, а о восточном в более широком смысле — из степных районов к востоку от Южного Урала. Сочетание культурных элементов в андреевско-писеральских памятниках свидетельствует скорее не о массовой миграции, а о «военном выплеске зауральского населения», возможно, о походах отрядов молодых воинов, ищущих себе новую территорию, власть и добычу: «с собой они приносили оружие и традиции погребальной обрядности, получая все остальное, в том числе жен и наложниц, от завоеванного населения» [Зубов, Михеев 2006: 222]. Эта трактовка археологического материала прекрасно укладывается в нашу гипотезу о миграции носителей имени **mārdi-*: оно (как этноним или даже как соционим) могло применяться к подобным группам, для которых война была образом жизни, способом добычи благ и социального статуса.

По-видимому, такого рода миграции необязательно имели долговременные последствия. Судя по археологическим данным, создатели андреевско-писеральских курганов довольно быстро (примерно в III в. н. э.) либо ассимилировались местным населением, либо присоединились к более мощному военно-политическому (сарматскому) союзу, а последующие бурные события середины — второй половины IV в. (готская активность в Причерноморье и Восточной Европе и гуннское нашествие) завершили этот короткий, но яркий эпизод этнокультурной истории Среднего Поволжья.

Таким образом, иранский этноним (первоначально скорее соционим) **mārdi-* ‘убийца, разбойник’, известный античным авторам как *Márdoi* в Иране и Средней Азии, мог быть занесен на Среднюю Волгу из азиатских степей (восточно)иранскими пришельцами, оставившими курганы андреево-писеральского типа. Этих людей готы встретили на правом берегу Волги ниже устья Оки в III–IV вв. н. э. во время своих походов по Волжскому пути, что нашло отражение в списке северных народов, якобы покоренных готским «королем» Германарихом в «Гетике» Иордана (*Mordens in Miscaris*) [Напольских 2018a]. В ходе этих контактов иран. **mārdi-* было заимствовано не позднее середины IV в. в готский в виде **mordja-/mordi-*. Затем это слово стало известно в Византии (от готов непосредственно или опосредованно, а может быть, и благодаря «Гетике» Иордана — см. выше), где к X в. стало использоваться для обозначения страны *Mordia*, лежащей примерно в десяти днях пути к северу от низовьев Дона, что зафиксировано в сочинении Константина Багрянородного. Из греческого языка это имя в форме **морды* попало

к древнерусским книжникам и было применено для обозначения не только этой страны, но и ее населения, которое в XI–XII вв. составляли уже эрзяне (и южнее — мокшане). Вероятно, уже к XII в. это слово закрепилось в древнерусском языке в форме *мордва*, чему способствовала традиция именования лесных соседей Руси, не имевших собственной государственности, собирательными этнонимами. Именно эта форма нашла отражение в Начальной летописи и дошла до наших дней в виде русского названия эрзян и мокшан.

Сокращения

В названиях источников

De Adm. imp.	Konstantinos Porphyrogenetos, <i>De administrando imperio</i>	Pl. Carp.	Iohannes de Plano Carpini, <i>Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus</i>
Get.	Iordanes, <i>De origine actibusque Getarum</i> .	Rubr.	Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratiae 1253 ad partes Orientales
Her.	Herodotes, <i>Historia</i>		

В названиях языков и диалектов

ав.	авестийский язык	об.-уг.	обско-угорские языки
алан.	аланский (древнеосетинский) язык	орл.	орловские говоры русского языка
ар.	арийские языки	осет.	осетинский язык (иронский)
ассир.	ассирийский язык	парф.	парфянский язык
афг.	афганский язык	ПИЕ	индоевропейский праязык
бактр.	бактрийский язык	ПИИ	индоиранский праязык
вахан.	ваханский язык	ППерм.	пермский праязык
ворон.	воронежские говоры русского языка	пск.	псковские говоры русского языка
вят.	вятские говоры русского языка	ряз.	рязанские говоры русского языка
гилян.	гилянский язык	свердл.	свердловские говоры русского языка
гот.	готский язык	скиф.	скифский язык
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий язык	скиф.-сарм.	скифо-сарматские диалекты
др.-перс.	древнеперсидский язык	смол.	смоленские говоры русского языка
калуж.	калужские говоры русского языка	согд.	согдийский язык
Кирг. ССР	русские говоры на территории Киргизской ССР	ср.-перс.	среднеперсидский язык
краснодар.	краснодарские говоры русского языка	ср.-урал.	русские говоры Среднего Урала
куйб.	куйбышевские говоры русского языка	талыш.	талышский язык
курс.	курские говоры русского языка	том.	томские говоры русского языка
манс.	мансийский язык	ф.-перм.	финно-пермские языки
мокш.	мокшанский язык	хант.	хантыйский язык
моск.	московские говоры русского языка	хорезм.	хорезмийский язык
		хот.-сак.	хотано-сакский язык
		эрз.	эрзянский язык
		ягноб.	ягнобский язык

Прочие

пенебр.	пенебрежительный	собир.	собирательный
---------	------------------	--------	---------------

Источники

- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Вып. 3. С. 71–112.
- Ашмарин Н. И. Ёвваш сѣмахѣсен кѣнеки = Thesaurus linguae tshuvaschorum = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань ; Чебоксары : Народный комиссариат по просвещению Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики, 1928–1958.
- Ерлезунда 1865 — История о Великом княжестве Московском, происхождении Великих Русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о Московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года. Ч. 1 / пер. с нем. А. Н. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1865. Кн. 4. С. 1–88.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М. : Изд-во вост. лит., 1962.
- Клеванов А. С. Святогорский монастырь // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1865. Кн. 2. С. 116–141.
- Кокорцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Ответное Письмо хазарского царя Иосифа. Л. : Тип. АН СССР, 1932.
- Мордово // Википедия : свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мордово> (дата обращения: 15.08.2024).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.08.2024).
- ПВЛ ИС — Повесть временных лет. По Ипатьевскому списку, хранящемуся в Библиотеке РАН // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 1 : XI–XII века. СПб. : Наука, 1997. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 30.08.2024).
- ПСРЛ 21 — Книга степенная царского родословия. Часть первая // Полное собрание русских летописей. Т. 21 / под ред. П. Г. Васенко. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2 / пер. с перс. Ю. П. Верховского ; прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова ; ред. И. П. Петрушевский. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960.
- РГ 1980 — Русская грамматика 1980 г. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 15.08.2024).
- Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / пер. А. Станкевича // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1906. Кн. 3. С. 129–214.
- РОсС — Русско-осетинский словарь / сост. В. И. Абаев. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1950.
- СамУ — Самарский уезд. Ведомость Симбирского наместничества 1780 года. URL: <https://web.archive.org/web/20201027023800/http://archo73.ru/Russian/18vek/gubernia1780/samar.htm> (дата обращения: 15.08.2024).
- СенГУ — Сенгилеевский уезд. Ведомость Симбирского наместничества 1780 года. URL: <https://web.archive.org/web/20200217135406/http://archo73.ru/Russian/18vek/gubernia1780/singile.htm> (дата обращения: 15.08.2024).
- Середонин С. М. Известия англичан о России XVI века / пер. с англ., с предисл. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1884. Кн. 3–4. С. 1–105.

- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под. ред. А. А. Шахматова. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
- ТЛ — *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- ТрЛет — Троицкий летописец // Государственный исторический музей. Син. 645. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/165200?index=0&paginator=entity-set&entityType=OBJECT&entityId=165262&attribute=like_predm (дата обращения: 30.08.2024).
- Шведова 2011 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82 000 слов и фразеологических выражений) / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011.
- Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Karl von Trübner, 1904.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin : Akademie der Wissenschaften der DDR, 1956–1993.
- WogW — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai kiadó, 1986.

Исследования

- Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1979. С. 272–364.
- Агеева Р. А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы : словарь-справочник. М. : Academia, 2000.
- Аникин А. Е.* Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск : Наука, 2005.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия / пер. с фр. М. : Прогресс : Универс, 1995.
- Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М. : Наука, 1974.
- Бугров Д. Г., Мясников Н. С.* Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 314–335.
- Гордеев Ф. И.* О происхождении тюркских этнонимов // Вопросы марийского языкознания. 1968. Вып. 2. С. 10–29.
- Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис : Тип. канц. Главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896.
- Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. 2-е изд., испр. и доп. М. : Восточная литература, 2007.
- Гришаков В. В., Зубов С. Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009.
- Дегтярев В. И.* Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). 2-е изд., испр. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2014.
- Демьянов В. Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М. : Наука, 2001.
- Добродомов И. Г.* Буртасский язык — исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей :

- материалы III балто-славянской конф. Ч. 2 / ред. Вяч. Вс. Иванов, Т. М. Судник, Е. А. Хелимский. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. С. 64–70.
- Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956.
- Еселевич И. Э. Из истории собирательных этнонимов в русском языке // Именное словообразование русского языка / науч. ред. С. П. Лопушанская. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 81–94.
- Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
- Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 2 : Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М. : Языки славянских культур, 2011.
- Зубов С. Э. Воинские миграции в Среднем Поволжье (I–III вв. н. э.). Миграционные процессы в формировании этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken : Lambert, 2011.
- Зубов С. Э., Михеев А. В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничникова / отв. ред. Г. Т. Обьденнова, Н. С. Савельев. Уфа : Гилем, 2006. С. 205–226.
- ИЭСОЯ — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 5 т. Л. ; М. : Наука, 1958–1989.
- Ковалев Г. Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.
- Корчагин П. А. Пермь Малая: история возникновения симулякра // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. Вып. 9. С. 18–27.
- Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988.
- Литвиненко В. Е. О некоторых словообразовательных особенностях имен существительных в русских говорах (на материале русских говоров Прииссыккуля Киргизской ССР) // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. 1969. Т. 228. С. 170–176.
- Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Средняя Азия в Ахеменидское время // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А. В. Седова. М. : Вост. лит., 2004. С. 698–814.
- Лыткин В. И. Пермско-иранские языковые контакты // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 84–97.
- Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1993.
- Матвеева Н. П. Саргатская и гороховская культуры: исторические судьбы. Ранний железный век западносибирской лесостепи по археологическим данным / 3. Nemzetközi korai magyar történeti és régészeti konferencia / szerk. A. Türk. Budapest : Martin Opitz kiadó, 2018. О. 15–34.
- Мокин Н. Ф. Этническая история мордвы (XIX–XX века). Саранск : Морд. кн. изд-во, 1977.
- Напольских В. В. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // Вопросы ономастики. 2018а. Т. 15, № 1. С. 7–29. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001
- Напольских В. В. Очерки по этнической истории. 2-е изд., испр. и доп. Казань : АН РТ, 2018б.
- Напольских В. В. Иордан и его «Гетика» в труде Родриго Хименеса де Рады «De rebus Hispaniae» // Вестник древней истории. 2023. Т. 83, № 4. С. 851–867.

- Напольских В. В.* К иранской этимологии этнонимов *мари, меря, муroma* // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 9–26. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.001
- Отрембский Я.* *Dainavà* — название одного из ятвяжских племен // Вопросы славянского языкознания. 1963. Вып. 7. С. 3–6.
- Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 : А–О. М. : Тип. Г. Лисскера и Д. Совко, 1910–1914.
- Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М. : Наука, 1982.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет». М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Хайду П.* Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского. М. : Прогресс, 1985.
- Халиков А. Х.* Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Археология и этнография марийского края. 1987. Вып. 12. С. 8–24.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.
- Чижевский 2021 — Археология Волго-Уралья : в 7 т. Т. 3 : Ранний железный век / под ред. А. А. Чижевского. Казань : Ин-т археологии АН РТ, 2021.
- Шанский 2007 — Этимологический словарь русского языка / под ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. Вып. 10 : М. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Флинта : Наука, 2010.
- Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М. : Вост. лит., 2009.
- ЭСИр — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. М. : Вост. лит., 2000–. Т. 1–.
- Christensen A. S.* Cassiodorus, Iordanes and the history of the Goths. Studies in a migration myth. Copenhagen : Museum Tusulanum Press, 2002.
- Gauthiot R.* De l'accent d'intensité iranien // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1918. Т. 20. P. 1–76.
- Geiger W.* Ostiranische Kultur in Altertum. Erlangen : Andreas Deiherd, 1882.
- Grienberger Th. von.* Ermanariks Völker // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Neue Folge. 1895. Bd. 39. S. 154–184.
- Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest : Akadémiai kiadó, 1982.
- Melich J.* Einige Personen- und Völkernamen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1963. Т. 6, No. 1–3. S. 425–440.
- Munkácsi B.* Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. 1. kötet. Magyar szójegyzék. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1901.
- Orel V.* Russian Etymological Dictionary. Vols. 1–2. Canada : Octavia & Co. Press, 2007.
- Rédei K.* Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1986.
- Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. II. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1889.
- Zsirai M.* Finnugor rokonságunk. Budapest : Tresor Kiadó, 1994.

References

- Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language] (Vols. 1–5). Leningrad; Moscow: Nauka.
- Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scythian-Sarmatian Dialects]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznanii. Drevneiranskie iazyki* [Foundations of Iranian Linguistics: Ancient Iranian Languages] (pp. 272–364). Moscow: Nauka.
- Ageeva, R. A. (2000). *Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sud'by: slovar' -spravochnik*. [What Kindred Are We? Peoples of Russia: Names and Fates: Dictionary-Guide]. Moscow: Academia.
- Anikin, A. E. (2005). *Opyt slovaria leksicheskikh baltizmov v russkom iazyke* [A Dictionary of Lexical Balticisms in the Russian Language]. Novosibirsk: Nauka.
- Benveniste, É. (1995). *Slovar' indoevropskikh sotsial'nykh terminov. I. Khoziaistvo, sem'ia, obshchestvo. II. Vlast', pravo, religiia* [Dictionary of Indo-European Social Terms. I. Household, Family, Society. II. Power, Law, Religion]. Moscow: Progress; Univers.
- Bernstein, S. B. (1974). *Ocherk sravnitel'noi grammatiki slavianskikh iazykov. Cheredovaniia. Imennye osnovy* [Outline of Comparative Grammar of Slavic Languages: Alternations. Nominal Bases]. Moscow: Nauka.
- Bugrov, D. G., & Myasnikov, N. S. (2018). Nekotorye problemy vydeleniia "etnokul'turnykh komponentov" pamiatnikov andreevsko-piseral'skogo tipa: pogrebal'nyi obriad [Some Problems of Identifying "Ethnocultural Components" in Monuments of the Andreevsko-Piseral Type: Burial Rites]. *Povolzhskaiia arkhologiiia*, 3(25), 314–335.
- Chernykh, P. Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Historical-Etymological Dictionary of Modern Russian Language] (Vols. 1–2). Moscow: Russkii iazyk.
- Chizhevsky, A. A. (Ed.). (2021). *Arkheologiiia Volgo-Ural'ia* [Archaeology of the Volga-Ural Region] (Vol. 3). Kazan: In-t arkhologii AN RT
- Christensen, A. S. (2002). *Cassiodorus, Iordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press.
- Degtyarev, V. I. (2014). *Kategoriia chisla v slavianskikh iazykakh (istoriko-semanticheskoe issledovanie)* [The Category of Number in Slavic Languages (A Historical-Semantic Study)] (2nd ed.). Rostov on Don: Izd-vo YuFU.
- Demyanov, V. G. (2001). *Inoiazychnaia leksika v istorii russkogo iazyka XI–XVII vekov. Problemy morfologicheskoi adaptatsii* [Foreign Vocabulary in the History of the Russian Language (11th–17th Centuries): Problems of Morphological Adaptation]. Moscow: Nauka.
- Dobrodomov, I. G. (1990). Burtasskii iazyk — ischeznuvshii alanskii dialekt v Srednem Povolzh'e [The Burtas Language — A Lost Alanian Dialect in the Middle Volga Region]. In V. V. Ivanov, T. M. Sudnik, & E. A. Helimski (Eds.), *Uralo-Indogermanica. Balto-slavianskie iazyki i problema uralo-indoevropskikh sviazei: materialy III balto-slavianskoi konferentsii* [Uralo-Indo-Germanica. Balto-Slavic Languages and the Problem of Uralic-Indo-European Connections. Proceedings of the Third Balto-Slavic Conference] (Pt. 2, pp. 64–70). Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki.
- Dyakonov, I. M. (1956). *Istoriia Midii ot drevneishikh vremen do kontsa IV v. do n. e.* [History of Media from the Ancient Times till the Late 4th Century BC]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Edelman, D. I. (2009). *Sravnitel'naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov. Leksika* [Comparative Grammar of Eastern Iranian Languages: Vocabulary]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Eselevich, I. E. (1976). Iz istorii sobiratel'nykh etnonimov v russkom iazyke [From the History of Collective Ethnonyms in the Russian Language]. In S. P. Lopushanskaya (Ed.), *Imennoe*

- slovoobrazovanie russkogo iazyka* [Nominal Word Formation in the Russian Language] (pp. 81–94). Kazan: Kazan University Press.
- Gauthiot, R. (1918). De l'accent d'intensité iranien. *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*, 20, 1–76.
- Geiger, W. (1882). *Ostiranische Kultur in Altertum*. Erlangen: Andreas Deiherd.
- Gordeev, F. I. (1968). O proiskhozhdenii tiurkskikh etnonimov [On the Origin of Turkic Ethnonyms]. *Voprosy mariiskogo iazykoznanii*, 2, 10–29.
- Goryaev, N. V. (1896). *Sravnitel'nyi etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Comparative Etymological Dictionary of the Russian Language]. Tiflis: Tip. kants. Glavnonach. gr. ch. na Kavkaze.
- Grantovsky, E. A. (2007). *Ranniaia istoriia iranskikh plemen Perednei Azii* [Early History of Iranian Tribes in the Near East] (2nd ed.). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Grienberger, Th. von. (1895). Ermanariks Völker. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Neue Folge*, 39, 154–184.
- Grishakov, V. V., & Zubov, S. E. (2009). *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy* [The Andreevsky Kurgan in the System of Archaeological Cultures of the Early Iron Age of Eastern Europe]. Kazan: In-t istorii AN RT.
- Haidú, P. (1985). *Ural'skie iazyki i narody* [Uralic Languages and Peoples]. Moscow: Progress.
- Honti, L. (1982). *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest: Akadémiai kiadó.
- Khaburgaev, G. A. (1979). *Etonimiiia "Povesti vremennykh let"* [Ethnonymy of *The Tale of Bygone Years*]. Moscow: Moscow University Press.
- Khalikov, A. Kh. (1987). Pamiatniki piseral'sko-andreevskogo tipa v Volzhskom pravoberezh'e i ikh etnokul'turnaia interpretatsiia [Monuments of the Piseral-Andreev Type in the Right-Bank Volga Region and Their Ethnocultural Interpretation]. *Arkheologiia i etnografiia mariiskogo kraia*, 12, 8–24.
- Korchagin, P. A. (2014). Perm' Malaia: istoriia vozniknoveniia simuliakra [Perm Minor: History of the Emergence of a Simulacrum]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, 9, 18–27.
- Koryakova, L. N. (1988). *Rannii zheleznyi vek Zaural'ia i Zapadnoi Sibiri (sargatskaia kul'tura)* [The Early Iron Age of Trans-Uralia and Western Siberia (Sargat Culture)]. Sverdlovsk: Ural University Press.
- Kovalev, G. F. (1991). *Etonimiiia slavianskikh iazykov. Nominatsiia i slovoobrazovanie* [Ethnonymy of Slavic Languages: Naming and Word Formation]. Voronezh: Voronezh University Press.
- Litvinenko, V. E. (1969). O nekotorykh slovoobrazovatel'nykh osobennostiakh imen sushchestvitel'nykh v russkikh govorakh (na materiale russkikh govorov Priissykkul'ia Kirgizskoi SSR) [On Certain Word-Formation Features of Nouns in Russian Dialects (Based on the Material of Russian Dialects in the Issyk-Kul Region of the Kyrgyz SSR)]. *Uchenye zapiski MOPI im. N. K. Krupskoi*, 228, 170–176.
- Litvinsky, B. A., & P'yankov, I. V. (2004). Sredniaia Aziia v Akhemenidskoe vremia [Central Asia During the Achaemenid Period]. In A. V. Sedov (Ed.), *Istoriia Drevnego Vostoka. Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniu do drevnikh imperii* [History of the Ancient East: From Early State Formations to Ancient Empires] (pp. 698–814). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Lytkin, V. I. (1975). Permsko-iranske iazykovye kontakty [Permian-Iranian Linguistic Contacts]. *Voprosy iazykoznanii*, 3, 84–97.
- Matveyeva, N. P. (1993). *Sargatskaia kul'tura na Srednem Tobole* [Sargatka Culture in the Middle Tobol River Basin]. Novosibirsk: Nauka.

- Matveyeva, N. P. (2018). Sargatskaia i gorokhovskaia kul'tury: istoricheskie sud'by. Rannii zheleznyi vek zapadnosibirskoi lesostepi po arkeologicheskim dannym [Sargatka and Gorokhov Cultures: Historical Destinies. Early Iron Age of the Western Siberian Forest-Steppe According to Archaeological Data]. In A. Türk (Ed.), 3. *Nemzetközi korai magyar történeti és régészeti konferencia* (pp. 15–34). Budapest: Martin Opitz kiadó.
- Melich, J. (1963). Einige Personen- und Völkernamen. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 6(1–3), 425–440.
- Mokshin, N. F. (1977). *Etnicheskaia istoriia mordvy (XIX–XX veka)* [Ethnic History of the Mordvins (19th–20th Centuries)]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Munkácsi, B. (1901). *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. 1. kötet. Magyar szójegyzék*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Napolskikh, V. V. (2018a). Etnolingvistscheskaia situatsiia v lesnoi zone Vostochnoi Evropy v pervye veka nashei ery i dannye “Getiki” Iordana [Ethnolinguistic Situation in the Forest Zone of Eastern Europe in the First Centuries CE and Data from Jordanes' *Getica*]. *Voprosy onomastiki*, 15(1), 7–29. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001
- Napolskikh, V. V. (2018b). *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Essays on Ethnic History] (2nd ed.). Kazan: AN RT.
- Napolskikh, V. V. (2023). Iordan i ego “Getika” v trude Rodrigo Khimenesa de Rady “De rebus Hispaniae” [Jordanes and his *Getica* in Rodrigo Jiménez de Rada's *De Rebus Hispaniae*]. *Vestnik drevnei istorii*, 83(4), 851–867.
- Napolskikh, V. V. (2024). K iranskoj etimologii etnonimov *mari*, *meria*, *muroma* [On the Iranian Etymology of the Ethnonyms *Mari*, *Meria*, *Muroma*]. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 9–26. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.001
- Orel, V. (2007). *Russian Etymological Dictionary* (Vols. 1–2). Canada: Octavia & Co. Press.
- Otrębski, J. (1963). *Dainavà* — nazvanie odnogo iz iatviazhskikh plemen [Dainavà — The Name of One of the Yatvingian Tribes]. *Voprosy slavianskogo iazykoznaniiia*, 7, 3–6.
- Preobrazhensky, A. (1910–1914). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vol. 1: A–O). Moscow: Tip. G. Lisskera i D. Sovko.
- Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (2000–). *Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages] (Vols. 1–). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Rédei, K. (1986). *Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Sedov, V. V. (1982). *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th–13th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Shaposhnikov, A. K. (2010). *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of Modern Russian Language] (Vols. 1–2). Moscow: Flinta; Nauka.
- Tomaschek, W. (1889). *Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. II. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Zaliznyak, A. A. (2008). “*Slovo o polku Igoreve*”: *vzgliad lingvista* [The Tale of Igor's Campaign: A Linguist's Perspective] (3rd ed.). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Zaliznyak, A. A. (2011). *Trudy po aktsentologii* [Works on Accentology] (Vol. 2). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Zhuravlev, A. F., & Shansky, N. M. (Eds.). (2007). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vol. 10). Moscow: Moscow University Press.

Zsirai, M. (1994). *Finnugor rokonságunk*. Budapest: Tresor Kiadó.

Zubov, S. E. (2011). Voinskie migratsii v Srednem Povolzh'e (I–III vv. n. e.) [Military Migrations in the Middle Volga Region (1st–3rd Centuries CE)]. *Migratsionnye protsessy v formirovanii etnokul'turnoi sredy po materialam arkhologicheskikh dannyykh* [Migration Processes in the Formation of the Ethnocultural Environment Based on Archaeological Data]. Saarbrücken: Lambert.

Zubov, S. E., & Mikheev, A. V. (2006). Etnokul'turnye protsessy v Zapadnom Povolzh'e na rubezhe rannego zheleznogo veka i rannego srednevekov'ia (problemy khronologii i etnicheskoi atributsii pamiatnikov piseral'sko-andreevskogo tipa) [Ethnocultural Processes in the Western Volga Region at the Transition from the Early Iron Age to the Early Middle Age (Problems of Chronology and Ethnic Attribution of Monuments of the Piseral-Andreev Type)]. In G. T. Obydenova, & N. S. Savelyev (Eds.), *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia: sbornik statei k 70-letiiu A. Kh. Pshenichniuka* [Southern Ural and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Period: Collected Articles for the 70th Anniversary of A. Pshenichniuk] (pp. 205–226). Ufa: Gilem.